

П. В. Барковский

СМЕХ КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Я узнал, почему люди смеются. Они смеются из-за того, что им больно... потому, что смех – единственное средство, способное унять боль. Благо не в смехе... оно в храбрости... и в разделении... против боли, страдания и поражения.

Хайнлайн Р.А.

Смех – то, что отличает человека от животного: *Homo ridens*. Так мыслили древние, и со временем эта их уверенность не потускнела и не облеклась в одежды предрассудка, а совсем наоборот. Люди доселе, таинственным образом проводя связь между наличием сознания и способностью смеяться, продолжают отрицать в животных подобный дар, даже в высших приматах... даже в тех, которые издают звуки, весьма похожие на человеческий смех. И в таком случае уместен вопрос, в какой степени смех определяет само человеческое существование?

Для смеха характерно то, что он выступает в роли некоторого внешнего выражения того сгустка мыслей, переживаний, эмоций и чувств, который человек привык именовать душой, сознанием или собственным Я. Насколько значение подобной психофизической реальности для человеческого самоосмысления неоспоримо, это одна сторона вопроса, смеху также приписывается определенная многомерность, которую внешняя сторона выражения вовсе не исчерпывает. На заднем плане, и отнюдь не второстепенном, всегда присутствует вопрос о причинах смеха, побудительных мотивах для столь грубого и резкого вынесения внутреннего пространства человеческого бытия во внешний.

И что касается последнего вопроса, то ответ на него вовсе не очевиден, и множество концепций для объяснения феномена человеческого смеха создавались и, по-видимому, будут создаваться именно в силу его фундаментальной неопределенности. Однако, абстрагируясь от большинства мыслительных ходов, можно попробовать разобраться с таким явлением, как взаимосвязь смеха и человеческой культуры в целом. В какой степени можно допустить, что первое определяется через второе, и наоборот? И тут как раз различные исторически возникшие концепции природы смеха обладают редкостным единодушием: смех трактуется как вполне *сознательная* человеческая реакция, знаменующая определенный «культурный» ответ на внешний раздражитель (по большей части, природный).

Почему же так подчеркивается необходимость сознательной реакции, и безумный, или чисто рефлекторный смех, по сути, смехом как таковым не признается. Именно вследствие того, что смеху, как и прочим культурным продуктам человека, если использовать терминологию Г.-Г. Гадамера, присущи свойства изображения: последнее всегда репрезентирует нечто большее, чем то, что показывает. В отличие от знака, «чистого указания», оно не снимает собственное существование в пользу репрезентируемого бытия, а в отличие от символа, «чистого представительства», не замещает последнее, как то, что не в состоянии себя предъявить (2, с. 200). Внешние проявления смеха, «грубо-конвульсивные сотрясения», составляют одно целое с тем, что их порождает, поэтому смех и связывают напрямую с сознанием.

В определенной степени смех можно трактовать как сублимацию сознанием собственного негативного опыта, конкретного повседневного, так и глубинного экзистенциального, связанного с осознанием опыта смерти. Так, французский литератор Веркор, весьма живо передавая воображаемую переписку главного героя его романа «Сильва» с А. Бергсоном, отстаивает собственное восприятие природы смеха, исходя из самой его формы – «внезапного приступа спорадических всхлипов» – как специфической реакции на испуг. «Душа освобождалась от пережитого страха через эту рефлекторную, примитивную, отрывистую разрядку, которая, в этой бурной вспышке, в этой эйфории,

успокаивала натянутые нервы – так собака, выскочившая из воды, согревается, встряхиваясь всем телом» (1, с.351). По фабуле на эту гипотезу Бергсон отвечает двумя едкими репликами, во-первых, что страх в цивилизованном обществе не входит, как правило, в число явлений, вызывающих смех, и, во-вторых, что животные в таком случае должны смеяться по тем же причинам, что и люди. Однако, на первую из них автор еще находит ответ, апеллируя к атавистичности человеческой психики: «и мы по-прежнему смеемся во всякой ситуации, напоминающей нам, пусть хоть в виде символа или смутной реминисценции, те первобытные страхи, которые внезапно исчезают» (там же). Вторая же реплика остается безответной. Но только лишь по той причине, что в данной схеме смех представлен как именно рефлекторная, автоматическая реакция, которая не предполагает сознательного участия даже в минимальной степени. Тем не менее, здесь задействовано не бессознательное, ибо, как нас учит З. Фрейд, оно в той же мере принадлежит человеку, что и его сознание, так что бессознательная реакция так же далеко отстоит от автоматической, как и вполне сознательная.

Куда как более радикален в своем истолковании природы смеха американский писатель Р. Хайнлайн, в своей харизматической книге «Чужой в чужой земле» напрямую утверждавший, что это средство, изобретенное человечеством против боли, страданий, несправедливости, всего того, что причиняет людям нравственные мучения. Только, в отличие от буддийской версии того, как реагирует человек на встречу с подобными явлениями, здесь смех выступает в роле механизма снятия невыносимого душевного напряжения. Но это отнюдь не индивидуальная защитная стратегия, ибо смех предполагает возможность разделения, в первую очередь разделения боли с другими, определенные формы общего соучастия и единения вопреки опыту негативного (4, с. 342-344).

Показательно, что в обеих представленных концепциях к овладению искусством смеха приходят персонажи, воспитанные в иных культурных обстоятельствах, не связанных с человеческим миром, – мира животных и марсианского мира, – так что понимание природы смеха тесно связано у них с возможностью дальнейшего его успешного применения. То, что смех есть нечто большее, чем просто механизм трансгрессии негативного опыта, кажется самоочевидным. Действительно, в пользу необходимости разделения и соучастия в жизни других с помощью смеха говорит хотя бы такой яркий иллюстрирующий пример. Персонаж А. Челлентано в картине «Укрощение строптивого», репрезентирующий «природного человека», недоумевает, что могло вызвать смех у героини в старой кинокомедии с участием Чарли Чаплина. Получив ответ, что смешным, например, является неуклюжее падение человека с лестницы, он пытается применить вновь обретенное знание на практике, в результате чего, героиня ужасно обижается, когда смеются уже над ней после нелепого падения вниз по лестнице. Таким образом, если и стоит рассматривать смех как лекарство против боли, то лечебный эффект достигается лишь при его коллективном употреблении.

Исходя из вышесказанного, можно, по-видимому, сделать вывод, что смех – это в такой же мере культурный продукт, как, скажем, литература или иная человеческая деятельность, санкционированная коллективной практикой. Смех производится культурой и в этом смысле является ее полноправным производением, которое может подлежать толкованию, как и любое произведение искусства. В древности, как в тумане, скрадываются следы того, то ли человек формирует культуру, то ли наоборот, сам оформляется согласно утвержденным канонам, так что вопрос о начале становится весьма проблематичным. И уже представляется совершенно очевидной возможная обратимость формулы смеха, и последний как раз начинает представлять в качестве действенного механизма воспроизводства культуры, а в определенной степени даже ее производства. Ибо через смех человек расписывается не только в собственном согласии с определенными правилами культурной игры, но и каждый раз заверяет их правомочность, их способность облегчать или, в целом, устанавливать отношения с внешним миром.

Это, безусловно, лишь версия, и в своей антологии «слишком человеческого» тот же Ф. Ницше весьма двусмысленно утверждает, что, «чем выше оказывается культура человека, тем больше областей становится недоступными шутке, насмешке», а «наше время есть эпоха серьезности» (3, с. 176). Хотя это и сказано в контексте противопоставления так называемой высокой и низкой культуры, в целом замечание примечательно уже тем, что более «высокая» культура, все более старая цивилизация, по-видимому, неизбежно склоняется к ослаблению социальных связей и атомизации людей в облики индивидов, превращению их жизней в крошечные робинзоны, где нет места даже для Пятниц. Если трактовать смех как попытку первой культуры обрести коллективный ответ на враждебное окружение внешнего мира, то легко объяснимой покажется неприятие смеха и превознесение серьезности более поздней культурой, которая усматривает враждебность уже не снаружи, а внутри («человек человеку волк»).

1. Веркор Избранное: Сборник. – М., 1990.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М., 1988.
3. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость: Сборник. – Мн., 1997.
4. Хайнлайн Р.А. Чужой в чужой земле. – К., 1992.